

Праздник театра

К 175-летию со дня рождения
великого русского писателя Н. В. Гоголя

Позавчера по Центральному телевидению Игорь Ильинский читал повесть Н. В. Гоголя «Старосветские помещики». Миллионы телезрителей смогли встретиться с незабываемыми образами великого русского писателя.

Сегодня Игорь Владимирович размышляет о гоголевских традициях в современном театре.

С творчеством Николая Васильевича Гоголя связаны самые лучшие, яркие и даже горькие грани моего скромного слушания театру. Самые лучшие и горькие — потому что работать над его образами счастье для актера и режиссера. Классика — это праздник театра, его сокровенное слово правды и вдохновения. А горькие потому, что, думаю, каждому художнику, которому выпала доля непосредственно общаться с гоголевскими героями в своей практике, обидно и тяжело переживать вольное и небрежное обращение с гениальным творением.

В чем суть новаторства в актерском ремесле — становление героем, в режиссерском — создание мира этих героев. Гоголь писал свои пьесы «собой», через себя переживая Хлестакова и Подколесина, «освобождаясь» от их пороков и мелкостей и любя их всей душой. Это замечательно! Писатель создавал, отрывая от себя, отдавая в мир, на мировой суд, людям. Так как же должен «отдать» театр в благодарность за щедрость, любовь драматурга, писателя, поэта русского народа.

Я принадлежу к тому, быть может, и старомодному по нынешним временам театральному поколению, которое исповедует на сцене Автора и благоговейно надеется в своих актерских и режиссерских новациях хотя бы приблизиться к его замыслу.

Чудо чудного Гоголя не перестает удивлять меня и по сей день. И как же чудно порой выглядят иные попытки это чудодействие разрушить своими изысканными находками. Уютно устраивается Хлестаков на груди Анны Андреевны, предварительно взбив ее, как подушку. А после появляются строки: «Я Гоголя читаю дома, а в театр иду посмотреть взгляд режиссера, самовыражение современного театра». Вот этак запросто, опираясь и облакачиваясь на опыт Мейерхольда...

А опыт был не таким уж и простым, если призадуматься, не от хорошей жизни. Всеволод Эмильевич был «сражен» «Ревизором» Станиславского с Михаилом Чеховым — Хлестаковым. Это был феномен, эпицентр театральной Москвы начала двадцатых годов. Трудно было, и по сей день не решился бы определить это гениальное явление ожившего на

сцене Хлестакова. Актер какой-то фантастической силой воображения проник в святая святых актерства — духовный мир героя и зажил на сцене хлестаковской духовностью. Можно ли так сказать о «фитюльке», «ни то ни се», «без царя в голове»? Можно! Чехов проник в духовный вакуум Хлестакова! «Воздушный шарик в голове» — эта гениальная находка Станиславского стала сутью созданного Чеховым образа. Вот это «ничто» и стало предметом ожесточенных сражений в прессе. Как уж только не исхитрялись «патологоанатомы», раздвигая и рассматривая с «медицинской точки зрения» Чехова — Хлестакова, и только гоголевская идея «пустоты» мало кого занимала. Чехов проник в душу Хлестакова, покорил ее и подчинил своему таланту.

И после этого чрезвычайно трудно было переступить, «перебить» интерес, но именно эту задачу поставил перед собой Мейерхольд, задачу, прямо скажу, нелегкую. И его безусловно талантливый спектакль стал поистине творческим соревнованием. Но если Чехов покорял глубиной проникновения, то Мейерхольд — широтой, внешней эффективностью. Это были два ярких, талантливых спектакля, имевших право на полемику.

И когда я сам работал над «Ревизором» — Хлестаков одна из самых первых моих работ в Малом театре, а спустя много лет я выступил как постановщик спектакля и исполнитель роли Городничего, — то чувство соперничества с другими спектаклями у меня никогда не проходило. Но и в мыслях не было — полемизировать с Автором. Я всегда стремился прочесть Гоголя на сцене...

Почему меня это вдруг волнует. В Москве мирно «уживаются» три «Ревизора», одинаково остро полемизирующие с Автором и абсолютно схожие в какой-то своей удивительной инертности, безразличии. Они внешне очень разные, но удивительно пресные и сухие по внутреннему своему состоянию.

Мир человека — это прежде всего космос его духовности. К духовности человека, народа, России был обращен гений Гоголя. Это бесценное наследие завещано нам. И грустно, если мы не будем распоряжаться по-хозяйски — трепетно и бережно, вдохновенно и с любовью. В этом, быть может, и будут заключаться новаторство, нетрадиционность традиций.

Игорь ИЛЬИНСКИЙ,
Герой Социалистического
Труда, народный артист
СССР, лауреат Ленинской
премии.

Соб. Рассм., 1984, 31 марта, № 46